

Михаил Качан

Школа на Кировочной

Потомку о моей жизни

Михаил Самуилович Качан Школа на Кирочной. Потомку о моей жизни

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18977145

ISBN 9785447484378

Аннотация

В книге рассказывается о школьных годах подростка, а затем юноши в Ленинграде сразу после войны, последних годах сталинской эпохи. Его избирают секретарём комитета ВЛКСМ школы. Он оканчивает школу с золотой медалью. Но девушке, которая ему нравится, её родители запрещают встречаться с ним, потому что он еврей. Мальчик военной поры превратился в юношу. Отрок сталинского времени, воспитанный на ложных идеалах. Но он никогда не сдавался и боролся до конца.

Содержание

Благодарности	6
Посвящение всех моих книг	7
Введение	10
Разговор с потомком	12
Глава 1. Питерский парнишка	17
Вторая мировая война продолжается	19
Атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки	20
Воюем с Японией	22
Послевоенная эпоха Сталина	24
У Рахили	25
Возвращение отца	28
Папа не может найти работу	31
Я опять в своей комнате	32
Мы снова живем в своей коммунальной квартире	34
Мы с Аллочкой заболели коклюшем	37
Папа нашёл работу, где принимали евреев	38
Баня и парикмахерская	39
По воскресеньям снова гуляю с папой	41
Посещение цирка	44
Заткните ему рот поганой мочушкой	45
И с географией нелады	49
Пестики и тычинки	50

Доклады	52
Наш 4-б	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Школа на Кировочной

Потомку о моей жизни

Михаил Самуилович Качан

© Михаил Самуилович Качан, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Благодарности

На издание книг серии «Потомку о моей жизни» меня сподвигли Клара и Владимир Штерн, которые выполнили первую вёрстку книг серии и отпечатали в типографии по несколько экземпляров, что было для меня приятной неожиданностью. Моя сердечная благодарность им.

Отдельная благодарность моим читателям в «Живом журнале» и на сайте «proza.ru». если бы я не знал, что на этих сайтах у меня более 50 тысяч читателей, вряд ли бы я стал издавать свои воспоминания.

Особая благодарность моей жене и другу, Любови Николаевне Качан. У нас с ней памяти разного сорта: у меня рациональная, у неё эмоциональная. Поэтому она помнит не события, а свою реакцию на них. Но это помогало мне восстановить и многие события.

Посвящение всех моих книг

Посвящаю серию книг «Потомку о моей жизни» моей любимой жене и большому другу Любови Николаевне Качан, с которой мы вместе живём уже почти 60 лет в атмосфере любви и взаимоуважения. Она постоянно подпитывает

меня эмоциональной, интеллектуальной и духовной пищей.

Книга «Школа на Кировной» посвящается моему незабвенному брату Бореньке. Он родился, когда мне было почти 14 лет, а моей сестре Аллочке – 7. Мы с Аллочкой его очень любили, а он любил нас. Наш отец обожал его. Мама, родившая его в 42 года, души в нём не чаяла. Он был самым добрым среди нас троих – детей наших родителей. Наш младший брат, родившийся после войны. Его сын Димочка, необыкновенный не по возрасту мальчик, умер в 11 лет от рака мозга. Его дочь от второго брака Маша вышла замуж и переехала в Израиль. Теперь она – Мири Ронинсон. У неё двое детей – внуков Бори. Боря окончил Институт

связи им. Бонч-Бруевича и был звукорежиссёром. Он работал в Ленконцерте и ездил по всей стране с музыкальными коллективами. Его высоко ценили основатель «Филармонии джаза» Давид Голощёкин, с которым Боря работал как директор «Ансамбля Голощёкина» и звукорежиссёр. Потом он работал директором и звукорежиссёром в театре «Новый балет» Бориса Эйфмана, который сегодня называется Санкт-Петербургским государственным академическим Театром балета. Когда Боря понял, что дни его сочтены, он позвонил мне из Израиля, где он лечился, и последними нашими словами были: – Я очень люблю тебя Боренька! – Я тоже очень люблю тебя, Мишка...

Введение

На этой фотографии мне лет 65. Я жил тогда в Нью-Йорке.

Я начинаю писать о своём отрочестве и о своей юности – о школьных годах в Ленинграде с 1945 по 1952, с 4 по 10 класс. Мне тогда всё хотелось, и я был уверен, что всё могу...

Из отрочества я. Из той поры
Внезапностей и преувеличений,
Где каждый, может быть, в эскизе – гений
И неизвестны правила игры.
Где любят, всхлипывая...
И навек. И как ни вырастает человек,
Он до себя, того, не дорастает.
Кожуркой сердцевина обрастает.

Сара Погреб

Разговор с потомком

Сегодня 6 июля 2007 года. Весь последний месяц у меня нет никакого настроения писать и вспоминать прошлое, наполненное любимыми, счастьем, интересными делами, устремленное в будущее, которым я жил.

– Вот вырастешь, – говорили мне, тогда...

И я в те годы считал, что лучшее время будет тогда, когда я вырасту. И, возможно, так оно и было. И любимые люди, и счастье, и интересные дела и ожидание ещё более лучшего будущего.

Только вот взлёт был не один. По крайней мере, три. Но взлеты чередовались с падениями. Не теми падениями, когда упал сам, а теми, когда столкнули. Скажут, наверное, и сам в чём-то виноват. Возможно. Можно и повиниться. Ну, например, первое, зачем вообще родился? Второе, и повезло же родиться евреем? Почему не жил, как все, не высовываясь? Почему не воровал, как все вокруг? Почему не подличал, не сигнализировал, не писал подметных писем? Как смел не пресмыкаться? Лучше других, что ли? Можно придумать ещё много пунктов, в чем я мог бы повиниться.

Повиниться – не мое слово. У меня в жизни был эпизод, когда бюро Новосибирского Горкома КПСС требовало от меня повиниться, и тогда они не исключают меня из партии, а только объявят строгий выговор и потребуют уйти из Ин-

ститута, где я работал. Понимаете, всего лишь?! Я примерно так и повинулся, как написал здесь, пятью строчками выше. Как члены бюро после этого яростно выступали! Как они меня клеймили, за то, что я не признаюсь!

– Он неискренен, говорили они. Он издевается над нами!

Им было не за что меня исключать из партии и увольнять с работы. И я так и не предложил им добровольно формулировку. Тогда они придумали сами. Она, что называется, не лезла ни в какие ворота, но это никого не интересовало. Объявили строгий выговор и потребовали уйти из Института. Всё было решено заранее. Только я не принял их сценарий... И поэтому они негодовали.

Не хочу обсуждать сейчас, в чём меня обвиняли. Одно только скажу, одна только вина была у меня – имел дело с этими негодьями, Правда, пытался играть не по ими установленным правилам, а чуть по другим.

Сегодня этот опыт уже не актуален. Больше не пригодится. Их уже нет. А я в другой стране. Остается только записать, как было. Для грядущих поколений. Но, слава богу, меня не посадили, не отправили в лагеря, не расстреляли. В 37-ом запросто могли. То, что я упомянул, было в 1975, а сейчас 2007-й. 32 года прошло, а болит до сих пор.

Сегодня я «вырос» и, может быть, даже «перерос» отпущенное мне время. Потому что я обманул судьбу. Мне «надлежало» оставаться в России и там умереть.

Меня не должны были выпустить в США с моим допуском

к секретным работам. А мое сердечное заболевание неминуемо должно было свести меня на тот свет еще в 1991 году.

А если бы я вдруг случайно оклемался, то потом ещё не один раз был близок к той грани, которая отделяет живое от неживого. Но мне повезло: инфаркт состоялся, когда я впервые приехал в США в командировку. И меня вытащили из него. А потом, когда я уже жил в Америке меня спасали по «скорой» и сделали впервые ангиопластику коронарных сосудов сердца. А потом еще 7 раз. И поставили 4 стента. А когда забились сосуды ног, и я еле передвигался, сделали ангиопластику сначала сосудов одной ноги, а затем и другой. Но это уже в 2007 году. И теперь я снова хожу по земле. В общем живу я «за того парня».

Так вот о лучшем времени. Работать мне интереснее было в России, когда я был молодым, энергичным и предприимчивым. Но интересную работу у меня дважды отнимали. С кровью отрывали. А какое было хорошее время, когда она у меня была!

Любимую женщину я нашел в России. И любимая дочка, и любимые внуки родились в России. Но из России пришлось уехать. А ведь еще за пару недель до отъезда я не собирался этого делать. Я никогда не искал лучшей жизни для себя. Интересного дела? Да!

Правда, еще одна цель была у меня. Вытащить семью из Сибири. А еще лучше из России. И я это сделал. Ты, потомок, живешь в другой стране. Где властвует закон, а не те-

лефонное право. Где государство и областные администрации не ведут себя подобно мафиозным структурам, которым все позволено.

И сегодня вся семья здесь, в Штатах. И работу я здесь нашел интересную. Был снова увлечен. И создал заново свой бизнес. И жизнь наладилась. И Любочка со мной. И дочка живет недалеко. И внуки выросли. И правнуки уже родились. Верочка и Надюшка уже закончили свои Университеты. И их культура уже американская, хотя русский язык они знают, и, возможно, многое от русской культуры в них осталось. И старшая внучка Алиса вышла замуж и родила любимую правнучку Дианочку. Это уже здесь, уже в Америке. А средняя внучка Надюшка нашла своё счастье в Англии, и теперь у меня уже есть внук Алек. И младшая в Нью-Йорке счастлива, но пока только вдвоём, что позволило мне на моём 80-летию прочесть шуточные стишки:

Плодов их дружбы нам не видно,
Но может станет им завидно?

Но того, что было у меня в России, не забудешь, этого у меня не отнимешь. Это в моей памяти и в моей душе. У меня такое чувство, что в моей жизни все самое лучшее осталось там, в детстве, в юношестве, в молодости, в зрелом возрасте. Когда еще верилось, что у меня еще есть «светлое будущее». Когда я думал, что еще все впереди... Незабывае-

мое время. И я снова окунаюсь в него...

Трудно начинать очередную главу. Я уже знаю примерно, что я напишу, и уже имею опыт – многое дополнительно вспомнится по мере продвижения вперед по годам и событиям.

Припомнится вдруг такое, о чём никогда раньше и не вспоминалось. Либо сознательно, либо бессознательно я запрятал это в самые дальние закоулки моей памяти. Чтобы забыть? Ан нет, память услужливо подсказывает, что это событие было. Что это чувство было пережито. Не забыто. Вот так. И не ври сам себе. Вспоминать, так вспоминать всё, а не только то, что тебе хочется. Даже если это само запряталось.

Глава 1. Питерский парнишка

Таким я был после войны. Мне 10 лет.

Голодный быт послевоенных лет
Под неуютным ленинградским небом,
Где мы писали на листах анкет:

Не состоял, не привлекался, не был.

Но состоял я, числился и был
Среди покорных, скорбных и усталых
Аборигенов шумных коммуналок.

Александр Городницкий

Вторая мировая война продолжается

Я остановился на том, что мы с мамой и Аллочкой вернулись то ли в июле, то ли в августе 1945 года в Ленинград. Никто из солдат и офицеров пока не возвращался домой с войны, и мы знали, что Советский Союз готовится к войне с Японией, что армейские части перебрасываются из Европы на Дальний Восток. Там Япония по-прежнему занимала огромные оккупированные территории, в том числе большую часть Китая и Корею. Вторая мировая война продолжалась, и ее надо было закончить как можно быстрее, сломив агрессоров не только на западе, но и на востоке.

Я знал, что война с Японией неизбежна, потому что японцы продолжали воевать с Америкой и Англией, а мы, как союзники, должны были им помочь.

Еще в феврале 1945 года на Крымской (Ялтинской) конференции Сталиным, Рузвельтом и Черчиллем было подписано соглашение, которое предусматривало вступление СССР в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии .

Атомные бомбы над Хиросимой и Нагасаки

26 июля США, Великобритания и Китай выступили с Потсдамской декларацией, потребовав от Японии немедленной безоговорочной капитуляции. Но через два дня Япония заявила, что японское правительство игнорирует Потсдамскую декларацию.

Это привело к тому, что американцы, руководствуясь желанием спасти жизни американских солдат, сбросили атомные бомбы на два японских города – Хиросиму и Нагасаки 6-го и 9-го августа. Жизни японских мирных жителей были не в счет.

Мой потомок, любой человек, читающий эти строки! Ты должен помнить эти две страшные даты – 6 августа и 9 августа 1945 года. Помнить названия городов – ХИРОСИМА И НАГАСАКИ. Помнить и не допускать, чтобы подобное повторилось!

Полагают, что 140 000 человек умерло в Хиросиме от взрыва и его последствий; оценка для Нагасаки – 74 000 человек. Точное количество жертв не знает никто.

Надо ли было сбрасывать бомбы на мирных жителей? Надо ли было убивать сотни тысяч ни в чем не повинных людей? Американцы объясняют использование атомного оружия тем, что продолжение войны с Японией и высадка де-

санта войск союзников на Японские острова привели бы к огромным потерям. Но это объяснение фактически предполагает, что жизнь солдат ценнее жизни мирных жителей. На мой взгляд, это чудовищное объяснение!

Слава богу, пока больше никогда атомное оружие не было использовано, но известно, что мир не один раз был на грани атомной войны. Сегодня атомные и еще более разрушительные водородные бомбы хранятся в арсеналах семи государств – США, СССР, Англии, Франции, Китая, Индии, Пакистана, Израиля. Хочет обзавестись ими Иран. За атомным оружием охотятся террористы. Для меня возможность его применения в современном мире является очевидной. Это ужасно.

Американцы сбросили на Японию атомные бомбы еще и потому, чтобы, как откровенно признался в узком кругу госсекретарь США Дж. Бирнс, «сделать Россию более податливой в Европе». И человечество всегда будет помнить, что атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки была одобрена американским правительством и лично президентом Трумэном, британским правительством и лично премьер-министром лейбористом Эттли.

Воюем с Японией

9 августа Советский Союз вступил в войну. Когда началась война с Японией, мы уже с месяц как были в Ленинграде.

Боевые действия между японскими и советскими войсками начались сразу в нескольких направлениях. Ударные группировки фронтов перешли в наступление против Квантунской армии Японии в Маньчжурии, прорвали оборону японской армии и к 20 августа продвинулись вглубь Маньчжурии с запада на 400—800 км, с востока на 200—300 км. Почти одновременно советские войска начали Южно-Сахалинскую наступательную операцию.

15 августа по радио был передан Указ императора Японии Хирохито о принятии условий капитуляции. Однако части Квантунской армии, противостоявшие советским войскам, приказа о капитуляции не получили и продолжали сопротивление.

26 августа сдался гарнизон последнего укрепленного района, но до 1 сентября продолжалась Южно-Курильская десантная операция. 2 сентября 1945 г. на американском линкоре «Миссури» состоялась церемония подписания Акта о капитуляции Японии. Этот день принято считать датой окончания второй мировой войны.

Мы ликовали. Для меня, да и для многих советских лю-

дей, победа над Японией звучала как реванш за поражение в русско-японской войне 1904—1905 гг., когда Россия испытала жесточайшее унижение, возможно, приведшее к Первой русской революции. Много лет во мне звучала скорбно-героическая песня о крейсере «Варяг», когда команда открыла кингстоны и затопила свой корабль, но не сдалась врагу.

«Теперь историческая правда восстановлена. Милитаристская агрессивная Япония поставлена на место совместными усилиями войск СССР и союзников. Южный Сахалин и Курильские острова стали советскими», – так писали газеты, а я думал именно так, как они писали.

К сожалению, мирный договор с Японией до сих пор не заключен. С момента окончания войны прошло 70 лет, а Япония всё ещё претендует на 4 острова Курильской гряды.

Послевоенная эпоха Сталина

Мы жили в эпоху Сталина, «великого, мудрого и любимого вождя». Я так тогда считал. И не только я, маленький десятилетний пацан. Я видел, что вокруг меня так думают все. Может, и не думали, но тогда делали вид.

«Под его мудрым руководством мы выиграли войну. Он обязательно приведет всех нас к счастливой жизни. Обидно, конечно, что находящиеся рядом с ним деятели допускают ошибки и перегибы, но проходит какое-то время, Сталин замечает эти ошибки и исправляет их», – так думал я, так думали и говорили многие вокруг меня.

После окончания войны Сталин правил еще долгие восемь лет. Для меня это был длинный-длинный период моей жизни – с 4-го класса по 10-й и ещё лето, когда я поступал в Институт, и ещё первый семестр в Институте, и еще начало 1953 года. Все моё отрочество и первые радости юности. Превращение из мальчика в юношу. Моё становление как личности. Формирование взглядов и пристрастий. В какой-то степени и мировоззрения. Первые утраты. Обретение друзей. Получение незаменимого жизненного опыта.

И все это при Сталине. Я видел каждый день его портреты, слышал и впитывал его слова. Любил его. Готов был отдать за него жизнь, не задумываясь.

У Рахили

Я узнал младшую сестру мамы Рахиль сразу, хотя она, ну скажу так, показалась мне старше. Молодой, красивой, но как-то очень серьёзной, озабоченной, хотя мне она улыбалась, по-прежнему.

– Какой ты большой стал, – сказала она мне, целуя меня.

Приходила с работы усталая.

– Нет, теперь уже ничего. В первое время было очень трудно. Работяги на меня внимания не обращали. Мат-перемат стоял. Теперь хоть при мне не ругаются, – улыбалась она.

Я видел на улицах этих работяг. Они разбирали руины и ремонтировали те здания, которые можно было быстро восстановить.

Разрушенных зданий было немного, так мне показалось, но поврежденных, в которых никто не жил, – очень много. Иногда стоял дом, у которого был снизу доверху разрушен подъезд, а в другом подъезде жили люди. На каждой улице на стенах домов были крупные надписи:

«Эта сторона улицы при артиллерийском обстреле наиболее опасна».

Асфальта в Ленинграде было совсем немного, в основном на тротуарах и главных улицах, а мостовые на большинстве улиц были, в основном, брусчатые или булыжные. Они были в ямах и колдобинах. Но повсюду, звеня, ходил трамвай,

и вокруг меня озабоченные и нахмуренные люди жили свой жизнью, которая в те годы была очень нелегкой.

Я осваивал территорию вокруг Рахилиного дома. Дошел до Невского проспекта, но магазин «Консервы», где папа поил меня до войны томатным соком, был заколочен, а наверху висела проржавленная довоенная вывеска. Вместе с мамой мы пошли на Кузнечный рынок, он был совсем близко, и мама там продала что-то из вещей, присланных папой, купив на эти деньги еду.

– Мама, покажи мне дом Перцева, где вы жили до революции? – попросил я.

– Мы и после революции там жили, – сказала мама, – правда, недолго.

Мы прошли по Кузнечному переулку до Лиговского проспекта.

– Вот он, – мама показала на большое многоэтажное серое здание на другой стороне Лиговки прямо напротив Кузнечного переулка.

– У мамы с папой было 8 детей. В нашей квартире было 13 комнат, – я это слышал и раньше, но деликатно молчал.

«Детям» тогда было от 8 до 20 лет. Маме – 14. У неё обида на то, что их выселили, осталась на всю жизнь.

Аллочку мне в Ленинграде не доверяли: когда я гулял, она оставалась дома. Каждый раз, когда я уходил из дома, мама говорила мне:

– Далеко не уходи. Будь осторожен.

Но не отпускать меня было уже нельзя. Я был большой и самостоятельный мальчик.

Я быстро осваивался в городе, который еще не оправился после пережитой блокады. Город был наполнен людьми в тряпье, нищими. Инвалиды без ног катились на каких-то дощечках. Их подсаживали в трамваи, где они гнусаво пели, выпрашивая милостыню. Другие нищие, облюбовав места, где проходило много народа, ежедневно, с утра до позднего вечера сидели там, тоже прося милостыню.

Подавали мало и плохо. И не потому, что было жаль, а потому, что у людей не было денег и лишней еды. Хлеб и основные продукты питания все еще выдавались по карточкам. Нищие еду брали с жадностью, и, получив, сразу начинали есть, – видно было, что они голодные.

Возвращение отца

Папа вернулся из армии, наконец. В военной гимнастёрке. С майорскими погонами. Располневший. Очень уверенный в себе. И такой любимый, любимый.

На снимке, сделанном вскоре после возвращения отца с фронта, мама, Аллочка, папа, а сзади них я

Я не удержался и спросил его, почему он стал таким полным всего за два месяца после окончания войны. На всех

фотографиях, которые он присылал с фронта, он выглядел худым.

– Знаешь, мы питались на фронте лучше, чем вы в тылу, но все же мне этого всегда было мало. А тут сразу появилось сколько угодно продуктов. Вот, например, я делал себе яичницу на 12 яиц.

– И сам всё съедал?

Я всё ещё был постоянно голодным и плохо понимал, как это можно сразу съесть яичницу из 12 яиц. Это казалось мне верхом роскошества. И одновременно – торжеством Победителей.

Вторым вопросом, который меня очень интересовал, были папины награды. Я знал, что у него есть орден Красной звезды и медаль «За оборону Ленинграда». Теперь у него оказался еще орден Отечественной войны II-й степени и медаль «За победу над Германией».

Медаль «За победу над Германией» получили все воевавшие. Впоследствии папе из военкомата прислали орден Отечественной войны I-й степени и медаль «За взятие Варшавы».

Его ордена и медали, а также все наградные документы хранятся у меня как святыни. Я знал, что папа был храбрым человеком. На фронте он был сначала ранен, а впоследствии контужен. Прошёл всю войну и пришел домой победителем.

Папа сразу же занялся ремонтом нашей квартиры. Я не знаю, где он жил всё это время. Но в комнате Рахили он

не ночевал.

Папа не может найти работу

Каждый день папа с утра появлялся у нас, о чем-то тихо говорил с мамой и уходил. Мама вздыхала.

– Папа не может найти работу, – говорила она мне.

Так продолжалось недели две-три. Его никуда не принимали на работу.

В воскресенье мы все вместе обедали. В то время суббота была рабочим днем, а воскресенье выходным. Во время обеда папа сказал:

– У меня был выбор. Либо демобилизоваться и вернуться в Ленинград, либо идти служить помначштаба корпуса, стать подполковником и остаться в Австрии. Я выбрал первое. Кажется, я начинаю жалеть об этом. Зачем я вернулся? Меня никуда не берут. Я прихожу, мне говорят, что есть место, а когда заполняю анкету, мне говорят, что у меня не та квалификация. А я инженер-механик по холодильным машинам. И проработал не один год. У меня именно та квалификация, какая им нужна. И я всё понимаю, что они думают про себя, но вслух не говорят. Противно. На фронте мы об этом не думали. И пуля не разбирала, в кого ей попасть – в русского или еврея. И я как-то не понимал, что, вернувшись домой с такой войны, я снова столкнусь с неприкрытым антисемитизмом. Зачем я вернулся?

Я опять в своей комнате

Вернулся с фронта муж Рахили Натан. Они поженились еще в 1939 году, но его мобилизовали в армию на войну с Финляндией. Потом началась война с Германией. Всю войну он был на фронте, а Рахиль его ждала. И вот теперь, спустя 6 лет дождалась.

Мама сказала:

– Не волнуйся, Рахилечка, завтра мы переедем.

И на следующий день мы переезжали в свою квартиру на улице Восстания.

Собственно, «переезжать» – громко сказано. Мама и папа взяли в руки наши вещи, а мне сказали посмотреть внимательно за Аллочкой, и я взял ее за руку. Попрощались с Рахилью и пошли на трамвай.

Я впервые с начала войны оказался на своей улице – улице Восстания. Чувства переполняли меня. Моя улица!

Мы поднялись по лестнице, зашли в квартиру. Открыли дверь комнаты. Я внимательно оглядел ее, комнату, которую хорошо помнил, – она мне даже снилась не один раз. Мне показалось, что она стала меньше. Но это было неважно. Главное – возникло удивительное чувство:

– Вот теперь, наконец, я дома! Вот теперь, наконец, кончилась война!!

Да, мне показалось, что война закончилась только теперь,

когда я вернулся в свою комнату.

А рано утром я проснулся от того, что трамвай шел и звенел. Вагоновожатый кого-то предупреждал, что едет трамвай, перебегать перед ним нельзя, – его в случае опасности сразу не остановить.

Мы снова живем в своей коммунальной квартире

Доклеивали обои уже при нас. В первый же день мы сдирали со стекол полоски приклеенной бумаги, и я вспоминал, как в июне 1941 года мы эти полоски клеили на стекла.

В нашей комнате из старых вещей остался мамин письменный стол и дубовая книжная полка. Они потом переехали со мной в Новосибирск в 1959 г., а потом обратно в Ленинград в 2001, который уже назывался Санкт-Петербургом. Письменный стол и полка и сегодня стоят в нашей квартире в Санкт-Петербурге на канале Грибоедова.

А из новых вещей стоял раскладной диван, на котором спали мама и папа, и две узкие кровати – одна для меня, другая для Алочки.

Был конец августа 1945 г. Вот мы и дома. Всё привычно и непривычно. Через несколько дней приехали из эвакуации бабушка и дедушка. Они стали жить там же, где раньше, в левой большой комнате с фонарем. А вот в средней комнате, где раньше жила прабабушка Двойра в своем уголке за ширмой, теперь никого не было.

– Она умерла в блокаду от голода, – сказала мама в ответ на мой вопрос.

В других комнатах нашей коммунальной квартиры жили совершенно другие жильцы.

За стенкой по очереди играли на скрипке девочка и мальчик. Они жили там в двух комнатах вместе с отцом и матерью. Их фамилия была Гоман.

А вот с другой стороны коридора, где до войны жила в трёх комнатах только семья Кольки, теперь в каждой из трех маленьких комнат жило по семье.

В первой, ближе к входной двери в квартиру, – жила одинокая тихая женщина, Евфалия Ивановна. Она ходила, как тень, и ни с кем вообще не говорила.

В следующей – жила семья из трех человек – Медведевы, муж жена и маленькая девочка, Анечка.

Наконец в третьей, ближе к кухне, теперь жила Мария Абрамовна Молдавер, пожилая женщина, которую регулярно навещал сын.

На кухне стало теснее, прибавилось керосинок и примусов. На некоторых столах стояли недавно появившиеся в продаже керогазы, более совершенные, чем керосинки.

Я выходил из дома и узнавал знакомые места. Вроде бы те же самые, но что-то в них изменилось. Два дома на улице Восстания были разрушены. Развалины одного из них разбирали военнопленные немцы. Я увидел пленных впервые. Мне очень хотелось сказать им: «Гитлер капут!», – но я сдержался. Они на меня не обращали внимания.

Вот Басков переулок, улица Красной связи, улица Некрасова, – асфальт и булыжные мостовые были все в ямах, но трамвай ходил и по ул. Восстания, и по ул. Некрасова. До-

ма стояли некрашенные, надписи, предупреждающие об опасности хождения по этой стороне улицы, не были стерты, остались и указатели, направлявшие в бомбоубежища.

А я радовался, что я снова живу в нашем доме, на нашей улице, и был уверен, что опять начнется та счастливая жизнь, которую я помнил и ярко представлял себе всю войну.

Мы с Аллочкой заболели коклюшем

За несколько дней до 1 сентября сначала я, а потом и Аллочка заболели коклюшем. Меня выворачивало наизнанку, кашель был какой-то изнуряющий, и полтора месяца борьбы с ним, измотали меня. Но вот он стал затихать, и, наконец, совсем прошел.

Я не очень переживал, что не пошел в школу.

– Догонишь, – сказала мама.

Я кивнул. Я как-то не думал о том, что придется догонять.

Мама принесла мне школьные учебники. Они, как было и раньше – и в деревне Кайбелы, и в Ростове Ярославском – уже использовались и, видимо, не один раз.

Во время болезни я прочитал учебники истории СССР, географии, естествознания, хрестоматию. Было интересно.

У меня было много свободного времени, и я читал с утра и до вечера. Начиная читать, только просыпаясь утром, ещё лежа в постели, а заканчивал, когда гасили свет. Не только учебники, конечно, но и другие книги, которые мне приносила мама.

Папа нашёл работу, где принимали евреев

Пока мы болели, папа устроился на работу. Его взяли инженером в какую-то артель. Артели были кооперативными предприятиями, выпускали всякую мелочь, которую не хотели выпускать государственные заводы, и входили в систему местной промышленности. Как бы, предприятия второго сорта.

Видимо, евреям там можно было работать. Зарплату папа стал получать очень маленькую, но всё же в доме появились хоть какие-то деньги.

Баня и парикмахерская

И вот в первое же воскресенье мы пошли с папой по делам. Сначала мы зашли в парикмахерскую за углом на ул. Некрасова, и папу там побрили и постригли, а меня постригли под польку. Впоследствии в эту парикмахерскую мы ходили раз в месяц. Во время стрижки папа разговаривал с парикмахером на идиш, и я ничего не понимал.

Потом мы вернулись домой, взяли чистое белье и пошли в некрасовские бани. Это был первый поход, но потом мы с папой ходили в баню каждое воскресенье.

Когда-то ул. Некрасова называлась Бассейной именно потому, что на ней находились бани с бассейнами. Но я никаких бассейнов уже не видел, видимо, их ликвидировали «за ненадобностью».

Очередей в баню почти никогда не было, а если и были, то небольшие. Помещения были обшарпанные, стены и потолки местами промокшие с отпавшей штукатуркой. Тусклые лампочки создавали довольно мрачный фон. В большом предбаннике стояли ряды металлических шкафчиков, куда мы запирали снимаемое белье и полотенца, которые мы приносили с собой. В помывочной были шайки. Мы брали две, и из кранов в одну набирали горячую, а в другую холодную воду. Мыло и мочалки мы приносили с собой.

Мы сначала мылись сами, а потом папа говорил мне, что-

бы я лёг на скамью на живот и мочалкой растирал мне спину. Мне это очень нравилось. Потом я растирал спину папе.

Мы никогда ничего не ели и не пили в предбаннике, но при выходе из бани папа покупал мне стакан газированной воды в банном киоске, если я просил.

По воскресеньям снова гуляю с папой

После обеда папа сказал:

– Пойдём к Белле.

Беллой стала Сарра, папина сестра. Так ее начал называть ее муж, Миша Годович. В России у евреев были клички: у мужчин – Абрам, у женщин – Сарра, и, видимо, Годович стеснялся произносить вслух ее имя, чтобы не вызвать усмешек.

Они вернулись в Ленинград намного раньше нас, и папа послал для нас на их адрес из Австрии много посылок.

Мама заворчала: «Пусть отдадут вещи». Из папиных посылок они отдали всего несколько вещей. На что они ссылались, я не знаю, никогда не спрашивал, но мама продолжала требовать с них вещи, и они постепенно отдавали то одно, то другое, – я помню часы, кофточки, шубу, нижнее женское белье.

Мама говорила, что Анна Абрамовна (жена папиного брата Бенциана и мама моего двоюродного брата Миши Качана), на адрес которой папа тоже посылал для нас посылки, отдала тоже всего несколько вещей. Но она вскоре переехала в Москву к сыну, и разговоры о ней о посылках прекратились.

Мы жили очень бедно. Мама всерьез рассчитывала, что она продаст вещи, присланные папой, и мы на выручен-

ные деньги сможем хоть как-то прожить. Ее надеждам, увы, не суждено было сбыться, – нам вернули крохи. Я не слышал, чтобы папа когда-либо разговаривал с Саррой или Анной Абрамовной на эту тему. Он был очень деликатен, любил их и помалкивал. Им тоже было не на что жить, и, я думаю, они бы голодали, не будь у них, что продать.

После того, как папа устроился на работу, он перестал нервничать, и все вздохнули с облегчением.

Пришло следующее воскресенье, и после обеда папа опять позвал меня погулять. Я с радостью согласился, и мы пошли по ул. Некрасова до Литейного проспекта, потом свернули на ул. Белинского до Фонтанки, поворачивали налево на нее и шли почти до Невского проспекта. Там жила Сара с мужем – Мишей Годовичем.

Но иногда по воскресеньям у нас был другой маршрут: по ул. Некрасова до ул. Маяковского, там мы сворачивали налево, шли по ул. Маяковского, пересекали ул. Жуковского и там на ул. Маяковского был дом, где жила Анна Абрамовна.

Примерно через год она переехала в Москву, и мы больше по этому маршруту не ходили.

Был и третий маршрут – по ул. Восстания до Невского проспекта, где я каждый раз видел остатки разрушенной красивой церкви, на которую, как мне говорили, упала бомба. Но ее все равно хотели взрывать, и только ждали, когда умрет знаменитый академик физиолог Иван Петрович Пав-

лов, который ходил туда молиться.

Папа не знал точно, была ли церковь разрушена бомбой или ее все-таки взорвали.

Потом мы поворачивали направо на Невский проспект и шли в кинотеатр «Колизей» смотреть документальные фильмы. Всё, как до войны.

У Годовичей, мы обычно сидели с ними за столом и пили чай. Разговоров почти никаких не было. Мне было откровенно скучно, и я спрашивал папу, скоро ли мы пойдем домой.

Мама первым делом смотрела на нас вопросительно и спрашивала:

– Принесли чего-нибудь из вещей?

Но папа отмалчивался. Он любил свою сестру и не хотел омрачать их отношений трудными вопросами.

Посещение цирка

Праздником для меня было посещение цирка. Папа взял туда заранее билеты, и я сначала целый месяц предвкушал, как мы туда пойдем. Я никогда раньше не был в нём, и представление меня очень впечатлило. Я помню воздушных гимнастов, клоуна по имени Каранд'аш, тигров, дрессированных лошадей и многое другое. Ощущение большого праздника осталось во мне надолго.

Заткните ему рот поганой мочушкой

В школу мама привела меня только в конце октября. Здание школы стояло и стоит до сих пор на ул. Салтыкова-Щедрина прямо напротив ул. Восстания, где эта улица заканчивалась. Здесь трамваи с ул. Восстания поворачивали на ул. Салтыкова-Щедрина и следовали до Литейного проспекта. Большинство людей улицу Салтыкова-Щедрина называли Кирочной.

На вывеске было написано: «Дзержинский районный отдел народного образования. Мужская средняя школа №183».

За нашей школой был пустырь, а за ним стояло такое же здание, фасадом выходившее на улицу Петра Лаврова.

Там была женская школа. Впоследствии у нас с девочками из этой школы была официальная «дружба».

Улица Салтыкова-Щедрина до революции называлась Кирочной, но потом в период массовых переименований улиц ей дали имя русского писателя-сатирика, которого Сталин иногда цитировал в своих докладах.

В годы перестройки она снова стала Кирочной. Историческое, самое первое название ее было – 5-я линия Литейной части, а Кирочной она стала в честь Лютеранской церкви Святой Анны – кирхи.

Почему сатирика обидели, и чем второе историческое на-

звание лучшие первого и третьего, я не знаю. Некоторые считают, что отцам города виднее.

Директриса школы сказала маме, что меня надо «сажать» в третий класс, а не в четвертый, потому что я не сумею догнать и только испорчу им всю картину.

– Он пропустил целую четверть, а тем более, учился на периферии, сказала она.

– Он способный, – сказала мама, – и постарается. Давайте попробуем.

Директриса после долгих колебаний согласилась и привела меня в 4-б класс, назвала мои имя и фамилию и посадила на свободное место в первом ряду. Парты стояли в три ряда: один ряд – у окон, выходящих на Кировскую, второй – посредине и третий у стены. Каждая парта была на два места. Я сидел на первой парте третьего ряда слева, ближе к учительскому столу. На этом месте я и сидел всегда, пока учился в школе.

Первым уроком, на который я попал, была арифметика. Урок проводила толстая баба (я прошу прощения за слово «баба», но Людмилу Николаевну Богомолу можно было назвать женщиной с большим трудом).

Толстая бесформенная фигура, пропитое лицо, деревенская одежда, платок на голове, который скрывал ее свалявшиеся бесцветные волосы, серые пустые глаза и вульгарный, совсем не изящный ленинградский, русский язык. Резкие движения, особенно её неожиданные повороты головы

от доски, когда она на ней писала, к классу, словно она ожидала какого-то подвоха, и ей надо было кого-то застать на месте преступления.

И я с первой минуты был ошеломлен характером ее общения с учениками.

– Заткните ему рот поганой мочушкой, – говорила она, когда кто-нибудь начинал разговаривать.

Мочушкой она называла влажную тряпку, которой стирали мел с доски. Мне это слово сразу показалось неприличным, потому что оно у меня связалось в голове не с словом мочить, а с мочой.

Она начала проверять выполнение домашних заданий и ставить отметки в дневники. Поскольку я впервые пришел на занятие, домашнюю работу я не выполнял. Обнаружив это и не обратив внимания на то, что я только что первый раз пришёл в класс, она поставила мне отметку 2. У меня аж слезы брызнули от такой несправедливости. Я стерпел и не стал ей ничего говорить. Не любил и не люблю оправдываться.

Но на следующий день было еще хуже. Я решил дома все примеры правильно, но при этом пришлось кое-что написанное чернилами стереть, а на этом месте написать заново. Бумага в тетрадях была очень плохая, и там, где я стирал, лист стал тоньше и промок, когда я написал чернилами новые цифры. «Грязно, 2», – было написано её рукой у меня в тетради, и новая двойка красовалась в дневнике.

Тогда еще шариковых ручек не было, мы писали метал-

лическими перьями, постоянно обмакивая их в чернильницы-непроливашки, которые носили с собой.

В этот день я узнал от неё, что «смотрено, ниже кола». Это означало, что, если она вместо оценки, напишет «См.», это будет ниже самой плохой отметки, т.е. 1. Я решил, что не буду обращать внимания на ее лексикон, а просто буду выполнять всё, что она требует. Это решение было правильным. Я строго выполнял все её требования, и у меня после этого были только пятерки. Других отметок не было.

В классе не было никого, кто бы относился к ней с уважением, и мы мстили ей, распевая сочиненную мною песню:

По улице ходила пузатая Людмила.

Она, она беременна была.

Нам казалось, что это очень остроумно, и хоть в какой-то степени искупает обиды, нам нанесенные.

И с географией нелады

В первый же день, как я пришёл в школу, учительница географии Елена Михайловна Бердникова поставила мне двойку.

И опять это было несправедливо. Оказывается, она раздала классу немые карты, и надо было дома надписать названия морей СССР.

Естественно, я не знал об этом, ведь я был в школе только первый день. А она собрала со всех выполненные задания, а всем, кто не сдал, автоматически поставила двойки. Эта двойка сразу появилась у меня в дневнике, и мне пришлось показать её маме. Но ни я, ни мама не пожаловались на эту несправедливость.

После этой двойки учительница решила, что я слабый ученик и потом стала занижать мне отметки за ответы и домашние задания.

Но так продолжалось только до Нового года. В третьей четверти у меня уже были по географии только пятёрки.

Пестики и тычинки

Классной руководительницей была Варвара Михайловна Королева, сухонькая старушка с седыми волосами. Она при первой возможности закуривала и говорила низким голосом приятного тембра. Она приходила в класс ежедневно в конце занятий и что-либо нам говорила, оставляя нас после звонка на 5—10 минут, а раз в неделю проводила классный час.

Кроме того, она вела естествознание, где мы изучали лютик и сурепку с их тычинками и пестиками. Пыльца с тычинок попадала на пестик и оплодотворяла его. Мне всё время казалось, что здесь есть какое-то несоответствие. Ведь пестик был похож на то, что есть у мальчиков, а тут он оказался женским органом.

Несмотря на то, что я уже был знаком с Дарвиным и его теорией эволюции, я никак не мог найти интереса в ботанике, и, хотя получал пятерки, толком ее не изучал, а просто через силу готовился к каждому уроку. Когда меня спрашивали, я урок знал и получал пятёрки, так что был на хорошем счету.

Других моих учителей в 4-б классе по имени помню, но в лицо бы не узнал. Была учительница русского языка Анна Ивановна Репина, английского – Николаева (имени отчества не помню), географии, как я уже писал, – Елена Михайловна Бердникова, истории – Мария Алексеевна Фомичёва,

было даже пение, которое вела Чаусовская, и была физкультура. Было и рисование, но оно мне, по-прежнему, не давалось. Хорошо, что это был, как говорили в школе, необязательный предмет. Его нужно было посещать и задания необходимо было выполнять, но отметки по нему в таблицу успеваемости не выставлялись и не влияли на общую успеваемость.

Меня поразило также, что еженедельно в дневник выставлялась отметка по поведению. Поскольку я вел себя примерно, мне всегда ставили 5. Было, правда, одно исключение, но об этом я расскажу потом.

Доклады

Мы рано начали делать доклады. Самый первый доклад перед классом по биологии я сделал в четвертом классе. Варвара Михайловна поручила мне рассказать об эволюции животного мира. Не знаю, почему животного мира, хотя мы изучали ботанику. Тем не менее, тема доклада была именно такая.

Я отнесся к этому заданию очень серьезно. В учебнике об эволюции были написаны самые общие слова, а о животном мире вообще ничего не было, и я решил привлечь дополнительный материал. Главным источником стала моя любимая книга «Путешествие Чарльза Дарвина на корабле «Бигль», подаренная мне на день рождения еще в эвакуации.

На доклад давали 15 минут, и я помню, как репетировал дома, стараясь уложиться в это время. Сначала у меня получалось больше получаса.

Я очень волновался, делая свой первый доклад перед ребятами, но получилось все неплохо. По крайней мере, Варвара Михайловна меня похвалила и сказала, что я очень толково и понятно рассказал сложный материал, а мой одноклассник Сережа Иванов поднял вверх большой палец и сказал: «Во!»

Наш 4-б

Четвертых классов в школе в 1945 году было три. Но уже восьмой был только один. Многие ребята «отсеялись». Кого-то оставили на второй год за неуспеваемость. Кто-то просто перестал учиться. А кого-то исключили за хулиганство. Но вот, некоторые ребята, с которыми мы вместе окончили школу, учились с самого начала в нашем четвертом-б.

У меня сохранилась фотография 4-б класса. Фотограф снимал, наверное, когда мы его уже заканчивали, т.е. весной 1946 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.